

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091)

СЕМЬЯ КАК ИНСТИТУТ В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Н.Н. Козлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Автор анализирует взгляды российских консерваторов XIX – первой половины XX века на распределение власти в брачном и семейном союзах, рассматривает роли супругов в данных социальных институтах. Приходит к выводу, что консерваторы выстраивали неформальный, параллельный правовому порядку в семье, в котором признавали равенство мужа и жены, а иногда и приоритет жены.

Ключевые слова: семья, приватная сфера, права и обязанности супругов, патриархат.

Семья, как правило, рассматривается исследователями как часть приватного пространства, как среда, защищенная от вмешательства государственных институтов. «Границы приватного пространства... сужены и локализованы в конкретном месте (доме)», – считает С.В. Климова [10]. Историки отмечают, что семейная жизнь русского дворянства никогда не была частной в полном понимании этого слова: в доме жили многочисленные родственники, приживалки, для которых ставились спектакли, игры и пр. [4, с. 41] В дворянских «гнездах» XIX в. протекала жизнь, насыщенная различными культурными событиями.

В данной статье мы реконструируем концептуальные представления российских консерваторов XIX – первой половины XX в. о распределении власти в брачном и семейном союзах, прежде всего, о роли женщины в данных социальных институтах.

Семья составляла одну из фундаментальных ценностей в концепции консерватизма. «Все предания исторические свидетельствуют нам о добром семейном начале, граждански развитом, которое легло в основу нашей древней Руси», – писал С.П. Шевырëв [21, с. 271]. «Семья есть первый, естественный и в то же время священный союз, в который человек вступает в силу необходимости», – утверждал И.А. Ильин [7, с. 395]. «Милые союзы родства, являющиеся твердейшею опорой добрых нравов, – и если я в чем-нибудь завидую нашим предкам, то, конечно, в привязанности их к своим ближним», – считал Н.М. Карамзин [9, т. 2, с. 569–570].

Определяя семью как место жизнедеятельности женщины, консерваторы очерчивали круг её обязанностей и ролей, ссылаясь на христианское учение. С.П. Шевырëв утверждал, что «муж да будет главою

жены, как Христос глава Церкви» [21, с. 259]: В то же время он полагал, что «таинство брака сохранено у нас Церковно во всей его силе... Совершенное равенство прав гражданских отца и матери, равенство и взаимная независимость детей обоего пола перед законом могут служить образцом семейного устройства и для иных государств, гордящихся перед нами своим просвещением [там же, с. 271]. Мыслитель опровергал клевету, возведенную на русских иностранными путешественниками, что в древней Руси женщины находились в униженном состоянии, вели затворнический образ жизни в тесном кругу своей семьи. По мнению С. Шевырёва, «наружные преимущества западной женщины перед нашею древнею Россиянкою» не содержат в себе ничего существенного [там же, с. 269–270]. Сравнивая практики семейной жизни в различных обществах на разных исторических этапах, мыслитель пришёл к выводу, что на Руси положение женщины было более «завидным» – «мать была природною опекуншею детей своих», «её собственность принадлежала исключительно ей», «в гражданском быту женщина допускалась у нас к судебным поединкам наравне с мужчиною» [там же, с. 270–271].

В философии славянофилов дом-гнездо и семья выступали как основополагающие, всеобъемлющие архетипические образы [22, с. 33]. Нравственные узы членов семьи, объединение под общим кровом родных и близких являлись для славянофилов основой более высокого уровня солидарности – общины. А.С. Хомяков рассматривал семью и брак с религиозных позиций: «О таинстве Брака учит св. Церковь, что благодать Божия, благословляющая преемственность поколений во временном существовании рода человеческого и святое соединение мужа и жены для образования семьи, есть дар таинственный, налагающий на приемлющих его высокую обязанность взаимной любви и духовную святость, через которое грешное и вещественное облекается в праведность и чистоту» [20, с. 61]. Славянофил относил теремное заключение женщин к обычаям, перенятым высшим боярством от татар, так как «ничего подобного» он не видел «ни в песнях, ни в сказках истинно русских, ни в древнем быте других славян, ни в народной жизни» [19, т. 1, с. 228].

По мнению К.С. Аксакова, «брак в народе русском не был делом частным, но делом общественным» и носил «у нас название суда Божьего» [1, т. 1, с. 302–303]. Поэтому мыслителю было вполне понятно, почему вступление в брак казалось для девушки таким страшным: «В браке, в который она вступала, начинались для неё забота и труд, жизнь действительная с хлопотами и нуждами» [там же]. Славянофил полагал, что при глубоком уважении к женщине у славянских народов девушка была наиболее уважаемое, лелеемое существо: «Это было какое-то целлепривилегированное сословие, не знавшее ни труда, ни заботы, знавшее лишь игры да песни, лишь счастье молодости и красоты» [там же].

С точки зрения К.С. Аксакова, «жена – не ребенок, не воспитанница; жена стоит не позади мужа; нет, оба, и муж и жена, стоят рядом рука в

руку и рядом идут в жизни, неся вместе ее бремя» [2, с. 406]. Утверждая, что «брак есть отношение равное», Аксаков не видел в этом противоречия «святой Апостольской истине, что муж есть глава жены»: «Первенство не мешает равенству... Как равенство необходимо для брака, так необходимо взаимное уважение, которого может и не быть в отношениях неравных, хотя и проникнутых любовью... Это равенство не есть равенство лет или учености... Это независимое равенство в духе, единство в чувствах веры, в нравственных убеждениях, в понимании добра» [там же].

И.В. Киреевский отстаивал ценность «цельной» патриархальной семьи, в которой «один член семейства всегда готов добровольно пожертвовать собою за другого», а «каждый член семьи... в своих усилиях не имеет в виду своей личной корысти», при этом «весь избыток хозяйства идёт безотчетно одному главе семейства» [20, с. 432]. На Западе ослабление семейных связей, полагал мыслитель, было следствием общего направления образованности: «В высших слоях европейского общества семейная жизнь, говоря вообще, весьма скоро стала, даже для женщин, делом почти посторонним. От самого рождения дети знатных родов воспитывались за глазами матери. Особенно в тех государствах, где мода воспитывать дочерей вне семьи, в отделённых от неё непроницаемыми стенами монастырях, сделалась общим обычаем высшего сословия, – там мать семейства вовсе почти лишена была семейного смысла» [там же].

Социальное назначение брака и семьи, их историческая эволюция, права и обязанности членов семьи являлись предметом тщательного изучения К.П. Победоносцева, который изложил свои изыскания в фундаментальном труде «Курс гражданского права». Профессиональный юрист Победоносцев рассматривал вступление человека в брак как удовлетворение одной из трёх природных потребностей – «дополнить и продолжить личное бытие своё в органическом союзе брака и семейства» [17, т. 1, с. 80]. Он отвергал теорию брака как договора, поскольку семейственный союз, по его мнению, возникал непосредственно из природы человека и в существе своём не вполне зависел от его личной воли: «Человек вступает в семейственный союз так же, как в гражданский союз, самым актом рождения, бессознательно, прежде чем он в состоянии сознать, избрать и изъявить свою волю. Затем, основывая сам новую семью, он вступает, правда, по свободному соглашению, в брак. Но жизнь его в этом союзе, продолжение союза, определяется не условиями договора, а высшими нравственными и естественными началами его природы и возникающего из них отношения» [там же, т. 3, с. 11].

Понятие «семья» консерватор рассматривал в трёх аспектах: во-первых, как союз, которым соединены супруги как между собой, так и со своими детьми; во-вторых, как отношение, в котором находится глава дома ко всем членам дома и семьи, находящимся у него в подчинении; в-третьих, как круг лиц, соединённый связью общего происхождения [там же, т. 2, с. 7].

К.П. Победоносцев считал, что власть в семейном союзе может принадлежать только одному человеку. При этом он видел в семейной власти особые свойства: «Она (власть в семье. – *Н.К.*) проистекает не из частной воли, получающей силу права, но из естественного, природного отношения... здесь власть руководительная и защитительная является не ради себя самой... Глава семьи или дома представляется естественным распорядителем и руководителем для остальных членов семьи» [там же, с. 9].

Наличие одной воли, преобладание одной из двух волей в семейном союзе Победоносцев объяснял необходимостью соблюдения в нём мира: «Власть эта и по естеству и по закону принадлежит мужу, причем закон по необходимости не может избрать средний путь, дабы не учинить бесплодного и раздражающего вмешательства в отношения супругов, и посему власть мужа в законе получает по необходимости свойство безусловной власти» [там же, с. 110]. Обер-прокурор полагал, что «каждая семья имеет своего главу и представителя; каждый мужчина в семье рано или поздно должен стать главой и представителем семьи своей» [там же, с. 29]. С заключением брака, указывал он, осуществлялось «сопричисление обоих супругов к одному праву, общение прав личных, политических, прав состояния, имени, чести, звания, чина. Муж сообщает все свои права жене. Муж и жена одно тело. Муж глава жены. Жена от мужа не отлучается» [там же, с. 110]. Неравенство супружеских прав, по Победоносцеву, было необходимо прежде всего самим женщинам: «Как надлежит смотреть на брак: как на договор между равными или как на договор между более сильной и менее сильной или слабой стороною, предполагающей по некоторым предметам необходимое подчинение слабейшего сильнейшему? Я утверждаю, что первое мнение будет основано на обманчивом предположении и непременно ведет к самой жестокой несправедливости относительно женщины...» [15, с. 223]. Обер-прокурор аргументировал последнее утверждение тем, что мужчина, когда вступил в брак, устроился в жизни, а женщина, напротив, когда выходила замуж, теряла возможность заниматься другим промыслом, кроме домашнего. Брачный договор профессиональный юрист Победоносцев не относил к договорам между равными: «Я утверждаю, что жена должна поступиться своим мнением; должна повиноваться мужу и действовать так, как он решит» [там же, с. 225]. Взгляд на обязанность жены подчиняться мужу как на унижение и обиду Победоносцев рассматривал с точки зрения низкого, недостойного, мятежного расположения духа. Он полагал, что без власти невозможна деятельность людей – «сшить пару сапог, управлять ли государством – нет ни малого, ни великого далее, в котором кому-нибудь одному не принадлежала бы власть решать, сила последнего слова» [там же, с. 224]. Он сравнивал асимметричные отношения в семье между мужем и женой с отношениями на корабле между капитаном и старшим офицером: «На корабле начальственное право капитана нисколько не препятствует ему

быть в близком дружеском отношении со старшим офицером» [там же]. Поэтому обер-прокурор считал, что отношения «между мужчиною и женщиной должны клониться к одной цели: обеспечить общее благо той и другой половине рода человеческого, так как обе они связаны самыми тесными и прочными узами и не могут иметь противоположных интересов» [там же, с. 225]. Таким образом, в его работах единственно правильной формой семьи была патриархальная семья, построенная на асимметрии прав и обязанностей супругов.

Признавая, что власть мужа над женой в частных случаях может быть очень тяжелой, К.П. Победоносцев полагал, что «жена может освободиться от неё не иначе как вместе с разрушением брачного союза» [17, т. 2, с. 110]. Невозможно требовать ослабления власти мужа в супружеском союзе, поскольку смягчение данной власти «зависит не столько от закона, сколько от смягчения нравов общественных и от изменения общественных понятий» [там же]. Выступая против разводов, он указывал, что «с неразрывностью брака, правда, соединены для женщины великие тягости вследствие её подчиненного положения, но зато с ней же связано и то высокое нравственное положение, которое принадлежит женщине» [там же].

Победоносцев осуждал практикуемую народами Востока и азиатскими племенами «испорченную» форму семьи – многожёнство. Он считал, что такой брак сводится к совокуплению, отвергая нравственные основы семейного союза: «Это – совокупление, приведенное в норму, и главная цель его – удовлетворение чувственности и инстинкта деторождения. Из такого брака не возникает семейство, ибо в нём нет единства и цельности, необходимых для образования семьи. Женщина в нём стоит невысоко; она служит мужчине только средством для удовлетворения природного инстинкта. За этим предметом брака закрывается почти вовсе удовлетворение духовной потребности, цель духовного общения мужа с женой. В многоженстве брак – по преимуществу частное дело мужчины» [там же, с. 19].

Историческая эволюция, по мнению Победоносцева, привела к замене многоженства одножёнством; в этом отразились «признание женщины подругой мужчины в нравственном и юридическом смысле; освобождение женщины из домашнего заключения и появление её в обществе» [там же, с. 24]. С введением христианства, полагал мыслитель, на Русь был перенесён священный идеал брака и введены канонические правила о браке в Кормчей книге. По его мнению, славянская семья отличалась отсутствием строгого юридического начала, в отличие от германского права: после смерти главы семьи его главенство не передавалось по наследству, а семья или продолжала жить общей жизнью, причем вдова умершего могла занять его место, или распадалась на новые отдельные семьи [там же, с. 15]. «Таков тип семьи славянской, до ныне существующий ещё в наших землевладельческих сословиях; но он

начинает уже переживать себя, патриархальные начала его уже не в силах устоять против начала личности, повсюду заявляющей свои требования», – писал обер-прокурор [там же, с. 16].

В крестьянском быту, считал мыслитель, понятие о браке представляется явственнее с материальной стороны: «Жена должна быть помощницей, и главным образом помощницей в материальном труде по дому и хозяйству. Этой потребностью определяется, прежде всего, выбор жены: требуется выбрать не столько жену, соответствующую духовной потребности мужа по его натуре, сколько соответствующую потребностям хозяйства. На жене должен лежать тяжелый труд по дому и хозяйству, которое исключительно принадлежит ей... в такой жене целая семья, т. е. вся рабочая семейная община... и муж приобретает себе важное приумножение рабочего капитала» [там же, с. 31]. Анализируя законодательство о наследовании земли, в работе «Семейные участки», он писал, что «для государства в высшей степени важно существование и умножение благоустроенных семейных союзов, преемственно, из поколения в поколение связанных с хозяйственно-устроенной земельной дачей» [16, с. 95]. «Старики, главы семейств имеют наблюдение над молодыми семьями, беспристрастно распределяют работы и продукты, стараются искоренить леность и не допускают неблагоприятных расходов. Подобный патриархальный порядок обеспечивает равномерное распределение довольства между всеми членами семьи и, не допуская, чтобы порочные или малоспособные впадали в бедность, доставляет всем обладание насущным хлебом», – считал Победоносцев [там же, с. 117]. Из всех видов семей обер-прокурор приветствовал именно патриархальный тип семьи как самый устойчивый, поскольку «вся собственность, за исключением только некоторой подвижности, остается нераздельною, и отец распоряжается ею и заведует работами... по смерти его это право переходит к тому из сыновей, которого он сам назначил своим наследником» [там же, с. 119–120], не допуская тем самым дробления земельных наделов как основы существования патриархальной семьи.

Рассуждение о том, насколько предложенный Победоносцевым идеал семейных отношений был трудно реализуем на практике, находим в работах К.Н. Леонтьева. В отсутствии пиетета у Леонтьева к институту семьи Н.А. Бердяев видел основное отличие мыслителя от славянофилов [3, с. 57]. Как подчёркивают исследователи жизнедеятельности Леонтьева, негативное отношение к институту брака он вынес с детства [6, с. 231]. «Брак есть разделение труда, тяжкий долг, святой и неизбежный, но тяжелый, налагаемый обществом, как подати, работа, война и пр. ... Брак же для женщины опасен физически, а для мужчины – скучен большею частью крайне» [12, с. 87]. Анализируя воззрения Прудона и других европейских мыслителей на брак как рабочий контракт, в котором жена является почти рабой мужа, он находил такие идеи оригинальными, но несовместимыми с христианскими идеалами

[13, т. 8, кн. 1, с. 181]. Леонтьев соглашался с Герценом, что строгая семья без религии, семья, построенная на одном рассудке и отвлеченном долге, – «это какая-то каторжная семья» [11, с. 598]. Мыслитель осуждал несерьёзное отношение к «свадебному апостолу» («А жена да боится мужа своего!»): «Так как хорошая жена должна хоть вид подчинения показывать, если у неё и нет настоящей боязни» [12, с. 573]. Согласно Леонтьеву, у апостола Павла речь идёт не о том, «чтобы у всякой жены ноги подкашивались от страха при взгляде на мужа, но о духовном страхе, о страхе согрешить не только изменой, но и всякими мелкими сопротивлениями и словесными оскорблениями, на которые так падки большинство женщин» [там же]. Он расценивал вступление мужчин в брак как принесение себя в жертву, которую женщина должна была осознать и быть благодарной и смиренной [там же, с. 402]. Поскольку мужчина в отличие от женщины имел широкий спектр приложения сил, то семья сковывала его свободу, тогда как для женщины брак являлся самоцелью. Мыслитель приводил в пример собственный брак: его жена Лиза «просто-напросто не скрывала своей почти детской эгоистической радости, что вышла замуж за человека давно любимого и вдобавок за “дворянина”, за “барина”, который её из последнего наряжает и балует» [там же]. Поэтому муж должен быть строг и требователен, не показывать вида, что жена может быть ему полезной [там же, с. 403]. Леонтьев выразил согласие с одним из своих знакомых, который полагал, что «муж должен быть главою, но пусть хорошая жена вертит им так, как шея вертит голову... не надо, чтобы жена видимо командовала, это скверно» [там же, с. 573]. Помимо смирения, которое Леонтьев ценил в женщинах, важными качествами являлись наличие «женского такта», которое выражалось в полном согласии с мнением мужа, в нежелании рассуждать на общественные темы, в неконфликтности. «Когда вижу светских и образованных женщин, то просто не понимаю ни их, ни мужей их!», – писал мыслитель [там же, с. 252].

В работе «Сквозь нашу призму» К.Н. Леонтьев комментировал социально-политические события в Японии, в которой «на многоженство начинают смотреть как на величайшую несправедливость», а «японские дамы требуют себе права гражданского голоса на выборах» [11, с. 422–423]. Аргументация мыслителя против отмены многоженства заключалась в том, что нарушался традиционный порядок (читай, – гендерный) как составная часть национальной культуры, поэтому ему турецкий султан и многоженец микадо нравились больше, чем «честный» европейский безбожник. Положительно оценивал мыслитель многожёнство у мормонов: «Однако не надо забывать и того, что женщины, которые нам кажутся в этом случае жертвами, довольно охотно покоряются этому учреждению, как и всякому другому брачному уставу; факт этот объясняется общепринятыми идеями и привычками; так как женщин с ранних лет приучают смотреть на брак как на единственную важную цель, то очень по-

нятно, что для них кажется лучшим выйти за человека, у которого уже несколько жен, чем не ходить замуж вовсе» [13, т. 7, кн. 1, с. 47].

Рассмотрение семьи с идеалистически-патриархальных позиций характерно для трудов П.А. Вяземского. В произведении «Московское семейство старого быта» Вяземский отстаивал ценности патриархальной семьи: «Семейное начало есть почва, есть основа, на которой зиждется и общественное. Если не признавать семейного авторитета и дома, не приучаться уважать его, едва ли будем мы позднее способны признавать авторитет общественный и честно и с любовью служить ему. Если мы из родительского дома выносим начало розни, то неминуемо внесём ту же рознь и в общество. Тогда уже общества собственно нет, а будут отдельные общества, расколы, которые каждый создает по образу и подобию своему» [5, с. 374]. Вяземский констатировал кризис современной ему семьи и «зародыш некоторого таящегося общественного разложения» [там же]. Для демонстрации патриархальных установок Вяземский выбрал московское семейство, противопоставляя старую Россию в лице «тогдашней патриархальной Москвы, богатой многосемейным и особенно многодевичьим составом», и новую в лице Петербурга. Прежде всего, П.А. Вяземский стремился показать бесконфликтный «благодушный, светлый» мир большой патриархальной семьи, которой руководит «родоначальник многоколенного потомства Оболенских» [там же, с. 363, 365] князь Петр Александрович Оболенский. Секрет счастливой семейной жизни Вяземский видел в жене князя – Екатерине Андреевне Вяземской, которой он посвятил основную часть работы: «О подобной женщине молчать не стоит» [там же, с. 375]. Начиная с описания внешних, эстетических качеств, он стремился подчеркнуть в княгине особую женскую породу: «Несмотря на совершение своих двадцати женских подвигов, княгиня была и в старости, и до конца своего бодра и крепка, роста высокого, держала себя прямо, и не помню, чтобы она бывала больна. Таковы бывали у нас старосветские помещицы сложения. Почва не изнурялась и не оскудевала от плодovitой растительности» [там же, с. 364]. Переходя к интеллектуальным характеристикам княгини, Вяземский демонстрирует незначимость образования женщин для выполнения семейных ролей, отсутствие связи образования с моральными ценностями женской личности: «Безо всякого приговорительного образования, была она ума ясного, положительного и твердого» [там же]. Муж для неё был авторитетом, экспертом в политических вопросах, и в случае необходимости она обращалась к нему за консультацией [там же, с. 366]. Имея «нравственные правила, самородные и глубоко засевающие», княгиня не поощряла флирта императора Александра I с одной из своих дочерей [там же, с. 364].

Принципиально важным для понимания сложившегося в семье гендерного порядка является анализ распределения ролей и власти между её членами: «В семействе и в хозяйстве княгиня была князь и домо-

правитель, но без малейшего притязания на это владычество. Оно сложилось само собою к общей выгоде, к общему удовольствию, с естественного и невыраженного соглашения. Она была не только начальницею семейства своего, но и связью его, сосредоточием, душою, любовью» [там же]. В приведённой цитате П.А. Вяземский приветствовал самостоятельность женщины-матери в принятии семейных решений, наличие у неё неформальной власти и значительных полномочий, подчинение ей всех домочадцев при отсутствии претензий на формальную власть в семье. Она являлась главным агентом социализации и заботилась обо всех членах этой многопоколенной семьи. По мнению Вяземского, мать составляла внутреннюю силу семейного мира: «Такова была привлекательная и нежнолюбивая сила семейная, которая образовалась и окрепла под сенью и благословением умной, твёрдой и чадолюбивой матери... И вся эта сила почерпала свое законное, освященное, любвеобильное начало, в одном чувстве, чувстве семейной связки; в одном имени, в одной власти: имени и власти матери... Мать, общим притягательным притоком, сосредоточивает в себе семью просто потому, что она мать. Нет власти естественнее, святее власти материнской» [там же]. Альтернативы патриархальной семье Вяземский не видел: «Если признавать семью, то надобно же кому-то оставаться дома; а когда жена подобно мужу, будет обязана отправляться на службу, на работу, к должности, то кто же останется представителем и ответственным лицом семейного дома, семейного начала?» [там же, с. 374].

Таким образом, семья, по мнению Вяземского, являлась не только местом обитания женщины-матери, но и её работой, сферой её ответственности, служения. Неформальный матриархатный гендерный порядок в семье был замаскирован надстроенным над ним патриархатным порядком, в котором поддерживалось строгое разделение отцовских и материнских ролей при их равновесии. К аналогичным выводам приходит и историк К. Келли, которая полагает, что в России XIX в. произошла «довольно-таки бессистемная эволюция семейных отношений» – сосуществование представлений о подчинённом положении жены и её самостоятельности [23, р. 81].

М.О. Меньшиков разделял христианскую трактовку брака и семьи, указывая, что основой брака может служить только цель, указанная при творении – необходимость человеку иметь помощника. «Не для наслаждений страсти, не для каких-либо материальных выгод создана жена, а исключительно для помощи своему мужу, помощи в великом повелении Божьем “возделывать и хранить” рай, в котором человек поселен (Быт. II, 15)» – писал консерватор [14, с. 126].

Истинное супружество мыслитель рассматривал как сотрудничество в выполнении всех целей, «из которых слагается рай жизни». Брак, считал он, представляет собой нравственный союз только тогда, «когда каждый видит в своей человеческой половине нечто нравственно ему

недостающее», когда «один пересоздаёт другого по образу своему и подобию» [там же]. Таким образом, делал вывод мыслитель, «идеал отношений мужчины и женщины – любовь братская» [там же].

Будущее семьи и женские роли в семье при социализме затрагивал Л.А. Тихомиров. Он осуждал социализм за стремление разрушить семью как социальный институт. По его мнению, семья представляла собой учреждение, союз с правами и обязанностями своих членов в отношении друг друга [18, с. 317], тогда как социалисты понимали под семьёй простое сожительство мужчины и женщины без взаимных обязательств: «Даже на детей, происшедших в результате сожительства, сами родители не могут иметь прав, потому что обязанность воспитания и право им распоряжаться переходит от родителей к обществу» [там же]. Он сочувствовал семейному положению современных рабочих, особенно женщин-работниц. «Она и не мать, она и не жена, а временная подруга, прибавляющая этим немножко дохода к своему скудному заработку», – писал он в статье «Гражданин и пролетарий» [там же, с. 257].

В работах И.А. Ильина центром семьи также являлась женщина: «Женщина является естественной основой семьи. Она в биологическом и душевном смысле есть семейный очаг... Женщина остаётся дома, мужчина идёт на добычу» [8, т. 6, кн. 1, с. 176–178]. Выражая своё негативное отношение к такому социально-психологическому явлению, как забота, которая «всегда мелочна и близорука», которая «хочет скрыть от нас великие, божественные жизненные цели», которая «настоящий враг творческого восторга и вдохновения», а потому «мы должны научиться её преодолевать» [там же, т. 3, с. 97–99], мыслитель в то же время считал её приемлемой для материнства. «Только заботливая мать остается для нас вечно любимой: ибо она заботится о других и тем самым облагораживает заботу любовью», – писал философ [там же]. Он наделил материнство чертами страдания: «Каждая мать носит дитя и страдает. Каждая мать кормит грудью своего малыша... Щедрость как профессия. Жертвенность как образ жизни» [там же, с. 204].

Таким образом, семья рассматривается консерваторами как одна из основополагающих ценностей. Начиная с Н.М. Карамзина, все теоретики консерватизма настаивали на сохранении традиционной патриархальной семьи. С точки зрения консерваторов, основными задачами женщин являлись ведение домашнего хозяйства и воспитание детей. Семья определялась мыслителями как сфера ответственности и служения женщин. Консерваторы наделяли женщин-матерей такими качествами, как забота о других, жертвенность своими интересами. Признаваемая мыслителями необходимость женского образования рассматривалась ими только в рамках выполнения женщинами домашних обязанностей.

Представители российского консерватизма отвергали договорной характер брака, полагая его истоки в природе человека. Определяя семью как место жизнедеятельности женщины, консерваторы очерчивали

круг её обязанностей и ролей, ссылаясь на христианское учение: «Муж да будет главою жены, как Христос глава Церкви». Руководящее мужское начало в семье и в обществе не ставилось под сомнение консерваторами и оценивалось позитивно. С юридической точки зрения консерваторы признавали за отцом как главой семьи верховенство. Основная аргументация в пользу асимметрии прав и обязанностей супругов сводилась к заинтересованности в ней обеих сторон. В рамках гендерного подхода данная практика репрезентирует такой механизм исключения женщин как «патриархатная сделка».

Христианская концепция брака подразумевала также неюридическое равенство супругов – «равенство в духе», когда брак выступал как нравственный союз. С точки зрения отечественных консерваторов, христианская позиция видения женщины как помощницы мужчины, приводящая к моногамному браку, более правильна, чем исламская, порождающая полигамию. Полигамный брак разрушает духовное общение мужа с женой, на необходимости которого настаивали российские мыслители консервативной ориентации.

Итак, консерваторы выстраивали неформальный, параллельный правовому порядок в семье, в котором признавали равенство мужа и жены, а иногда и приоритет жены.

Список литературы

1. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.: Университетская типогр., 1889. Т. 1. 599 с.
2. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995. 526 с.
3. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев: Очерк из истории русской религиозной мысли // К.Н. Леонтьев: pro et contra: в 2 кн. СПб.: Изд-во РХГУ, 1995. Кн. 2. С. 29–179.
4. Большакова О.В. История России в гендерном измерении: современная зарубежная историография. М.: ИНИОН РАН, 2010. 122 с.
5. Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 458 с.
6. Иваск Ю.П. Константин Леонтьев. Жизнь и творчество // К.Н. Леонтьев: pro et contra: в 2 кн. СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 2. С. 229–699.
7. Ильин И.А. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 726 с.
8. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. / сост., автор вступ. ст. и комм. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996–2001.
9. Карамзин Н.М. Избранные произведения: в 2 т. М.; Л.: Худ. лит., 1964. Т. 2. 455с.

10. Климова С.В. Дом и мир: проблема частного и публичного. URL: http://www.kuchaknig.ru/show_book.php?book=177890 (дата обращения – 15.07.2013).
11. Леонтьев К.Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 728 с.
12. Леонтьев К.Н. Избранные письма. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 640 с.
13. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. СПб.: Владимир Даль, 2000–2012.
14. Меньшиков М.О. О любви. СПб.; Ставрополь: ТОО «Горница», 1994. 192 с.
15. Победоносцев К.П. Государство и церковь: в 2 т. М.: Институт русской цивилизации, 2011. Т. 2. 624 с.
16. Победоносцев К.П. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 648 с.
17. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: в 3 т. / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.
18. Тихомиров Л.А. Критика демократии / вступ. ст. и коммент. М.Б. Смолина. М.: Москва, 1997. 672 с.
19. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Типогр. П. Бахметьева, 1881. Т. 1. 417 с.
20. Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н.И. Цимбаев / М.: РОССПЭН, 2010. 544 с.
21. Шевырёв С.П. Избранные труды / авт. вступ. ст. А.А. Ширинянц. М.: РОССПЭН, 2010. 678 с.
22. Шукин В.Г. Концепция Дома у ранних славянофилов // Славянофильство и современность / сб. ст. СПб.: Наука, 1994. С. 33–47.
23. Kelly C. Refining Russia: Advice literature, polite culture and gender from Catherine to Yeltsin. Oxford: Oxford univ. press, 2001. 483 p.

**FAMILY AS AN INSTITUTION IN THE RUSSIAN CONSERVATISM
SOCIAL PHILOSOPHY OF THE XIX-TH - FIRST PART OF THE
XX-TH CENTURY**

N.N. Kozlova

Tver State University, Tver

The author examines views of the Russian conservative thinkers of the XIX-th – first part of the XX-th century on the division of power in marital and family unions analyzing the spouses roles within these social institutions. She comes to the conclusion that the conservatives were constructing parallel to the law non-formal order in the family within which they accepted the equality of husband and wife, and, sometimes, even wife's priority.

Keywords: *family, private sphere, the rights and duties of the spouses, patriarchy.*

Об авторе:

КОЗЛОВА Наталия Николаевна – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: n_s@pochta.ru.

Author information:

KOZLOVA Natalia Nikolaevna – Ph.D., Assoc. Prof. of Political Science Dept. of Tver State University, Tver. E-mail: n_s@pochta.ru.